

Русский Парнас

Пушкин назвал усадьбу Остафьево «Русским Парнасом» — там гостили многие наши поэты. Можно все Подмосковье смело назвать «Русским Парнасом» — здесь все крупнейшие имена нашей литературы. Мы уже не говорим о современном *Переделкине*, этом писательском рае.

У *Ивана Алексеевича Белоусова* была страсть: он долгие годы собирал материалы о жизни известных писателей в Москве и Подмосковье. Так родился труд «Писательские гнезда», из которого мы взяли несколько главок. Но Белоусов не только сам писал о знаменитых собратях по перу, но и привлекал к этой работе современных литераторов, которые печатались в его сборниках...

Колыбель Пушкина

Александр Саладин

40 верстах от Москвы по Можайскому шоссе и в 3 верстах от станции «Голицыно» Алек-

сандровской железной дороги, среди красивых прибрежных холмов маленькой речки Захаровки, приотлилось небольшое селенье — Захарово.

Тихое, малолюдное, без тракторов, без дач, мирно спит оно, никому неизвестное. А, между тем, ведь это то самое Захарово, «колыбель Пушкина», в котором проводил поэт раннее детство, о котором он вспоминал с таким теплым чувством в зрелые годы.

Как известно, Пушкин родился в Москве и прожил в ней до 11 лет, когда его, в 1811 году, отвезли в северную столицу и отдали в лицей. Вот в это-то время на лето и увозили будущего великого поэта «на дачу» в Захаровское имение, принадлежавшее его бабушке Марии Алексеевне Ганнибал.

Под Москвою еще недавно существовали удивительно самобытные уголки. Там были свои преданья, поверья и обряды, сохранявшиеся в полной чистоте от глубокой старины. Даже выговор крестьян таких уголков резко отличался от бойкой речи коренных москвичей. Свадебные обряды, причитанья по умершим, народная мудрость, выразившаяся в бесчисленных поговорках и присловьях, разные приметы, старинные народные песни — все это там свято передавалось из рода в род почти до наших дней, когда, наконец, фабрики и дачи совершенно изменили облик подмосковных деревень.

Таким самобытным уголком долгое время было и захолустное селение Захарово.

В Захарове юный поэт впервые соприкоснулся с русской природой и народным бытом. Там его знаменитая няня, Арина Роди-

С. Г. Чириков (?). Пушкин в юности. Около 1815 г. Б., акварель, пастель

онова, познакомила его с поэтическими вымыслами народного творчества, рассказывая местные преданья и сказки еще о временах Бориса Годунова, память о котором сохранялась здесь, как о местном владельце округи. Подраставший поэт слышал тут хороводные песни, доносившиеся из-за реки, внимал мелодиям пастушеского рожка, мягко разливавшимся на заре по долинам. Впечатление юности — самые сильные и крепкие. Глубоко западают они в душу и, как драгоценный клад, хранятся там всю жизнь. Но душа поэта не зарывает этот клад только для себя одного, она отшлифовывает, гранит его

самородки и в оправе своего вдохновения делает общим достоянием.

Не в одном Захарове, конечно, сложилось представление у Пушкина о родной природе, есть другие, более достойные его памяти, места нашего отечества: Тригорское, Михайловское, Болдино, но стоит только побывать в Захарове, как многие страницы из произведений Пушкина покажутся как будто-бы списанными с этого забытого пушкинского уголка, колыбели его детства. До станции «Голицыно» от Москвы только 42 версты. Расстояние ничтожное, но нам пришлось ехать в донельзя переполненном поезде. В душном вагоне, в котором не было места даже стоять, где все шумно говорили о тяжелой современной жизни, трудно было удержать в мыслях образ великого поэта. И хотелось поскорее на волю, туда, где витает тень «мирного поэта», так любившего отдыхать в деревне, в ее «пустынных уголках», где он находил

Приют спокойствия, трудов и вдохновенья.

Любя деревню, Пушкин обращался к ней с смелыми в прежнее время словами:

Я твой — я променял порочный двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Усадьба Остафьево. Флигель.
Фото В. Титова

Медленно трогается переполненный желтый поезд и усиливает ход только за Ваганьковским кладбищем, вырвавшись за город. Направо показывается красивая нарядная церковь в Филях, интересный образец церковного, так называемого, «нарышкинского» стиля. Налево промелькнула Кутузовская изба. Протянулись мелкие переделки, то взбирающиеся на холмы, то сбегаящие в лощины. Вот Одинцово, известный дачный поселок. Окрестности его сплошь заняты кирпичными заводами. Куда ни погляди — всюду темные массы сараев и над ними высокие закопченные трубы.

Поезд останавливается в Голицыне, дальше он не пойдет. Позвякивая бубенцами, у станции стоят троечные и парные экипажи. Это конное передвижение по Звенигородскому шоссе, идущему на северо-запад от Голицына до Звенигорода. В начале 4-й версты этого шоссе и лежит селение Захарово.

Звенигородское шоссе пересекается на 2-й версте широким Можайским шоссе, у села Большие Вяземы, бывшей вотчины Бориса Годунова. При Петре I Вяземы уже принадлежали князю Борису Алексеевичу Голицыну, воспитателю Петра.

Хотя это и будет небольшим крюком, но необходимо побывать в Вяземах около церкви, там еще цела могила брата Пушкина.

Не пересекая Можайского шоссе, мы свернули направо за шлагбаум. Избы села далеко отступили от дороги в сторону, образуя широкую улицу. Вот небольшой мостик через речку Вяземку, с позеленевшими казенными орлами на перилах, остаток прежнего благоустройства почтовых дорог. Направо, на крутом берегу пруда, выглянул из зелени белый барский дом.

Напротив трактира, где стоит столб 40-й версты, сворачиваем направо и, пройдя несколько шагов, входим в парк имения также по правую руку. В парке все запущено, все заросло исполинскою травой. Высокие лиственницы и огромные тополя не пропускают солнечных лучей, всюду царит прохладная густая тень. Аллея приводит к пустому барскому дому, с забытыми окнами. Дом простой архитектуры прошлого века и снаружи ничем не отличается. Только службы и скотный двор несколько оживляют эту заглохшую усадьбу.

Тут же, окруженная каменной оградой, стоит старинная Преображенская церковь, пятиглавый храм, сильно испорченный позднейшими надстройками.

Около церкви сохранилась древняя звонница, построенная в конце XVI века, свидетельствующая о былом значении Вязем еще в до-годуновские времена. В глубокую старину, как известно, при церквях не было колоколов, а вместо них ударяли в «била»

и «клепала». Колокольни поэтому были еще не нужны. Потом, когда пошли колокола, стали строить более или менее прочные деревянные помосты на небольшой высоте, на которых и подвешивались колокола. Затем появились каменные стенки-звонницы новгородско-псковского типа, с сквозными арками для колоколов. Такую, очень редкую теперь звонницу и можно видеть в Вяземах. Это высокий каменный помост с каменной стенкой, в которой проделаны один над другим два ряда арок, по три арки в каждом ряду. Звонница от времени наклонилась, кирпичная кладка сильно выветривается, на верху проросли березки. Глубокой стариною веет от этого разрушающегося сооружения.

Позади алтарной стены церкви притаились три полуразрушенных надгробных памятника. Средний из них, небольшая известкового камня колонна, перебитая кубом, весь покрыт плесенью.

С трудом можно разобрать надпись:

«Подъ....
камнемъ.....
Николай Серг.....
ПУШКИНЪ.
Родился
1801 марта 26
скончался 1807 июля
30 дня».

Это и есть могила маленького брата Пушкина, умершего в то время, когда самому поэту было еще только 8 лет. Вероятно, няня Арина Родионовна приводила сюда маленького Сашу и объясняла ему, как Коля улетел к Боженьке на небо...

Возвратившись назад к шлагбауму, где уцелевший, как анахронизм, почтовый двор невольно вызывает представление о пушкинских временах, с их стационарными зрителями, свернем с Можайского шоссе направо на Звенигородское.

Вяземы остались позади. Развертывается панорама чисто русского пейзажа. Холмы и перелески чередуются с полями; переливаясь широкими волнами, колышется рожь; в глубине долины струится речка Захаровка, обрамленная кустарником; во ржи голубеют васильки, по полянкам краснеет гвоздика; высоко серебряными колокольчиками звенят жаворонки. Знакомый, обычный русский пейзаж. Но здесь он особенно полон, — вписаны все детали, подчеркнуты все особенности. И потому-то, мо-

жет быть, такой милой, дорогой кажется окружающая природа.

За деревней Шараповой к самой обочине шоссе подходит мелкий березняк и соснячок. Это рощица, прилегающая к Захаровскому имению. Немного подальше, около одинокой школы, влево сворачивает дорога. Она идет вдоль забора имения к мосту через речку Захаровку.

Крутой спуск на мост... На другом берегу заросшей тинистой речки стоят бедные избышки, крытые соломой... Перед нами Захарово, то самое, о котором говорил Пушкин в послании к своему лицейскому товарищу Юдину:

Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами — в реке волнистой —
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.

Прошло сто лет, заросло, измельчало «зерцало вод», но в нем по-прежнему все еще отражается селенье, воспетое поэтом...

На холме домик мой, с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят.

Вот домик на холме, вот и сад, но это уже не пушкинский домик и не тот сад, в который он сходил с балкона. Состарились и сломаны прежние постройки, вечно юная, каждый год обновляющаяся природа, изменила сад. Узнал ли бы Пушкин теперь свою колыбель?

Самое сельцо Захарово едва ли изменилось, так еще бедны его крытые соломой избышки, так печален его вид, как будто бы современная жизнь совсем сюда не заглядывала. В расцвете лет и гражданского чувства вид таких бедных селений, тяжелая жизнь крепостных крестьян вызывали у поэта горькие слова. Нелегко ему было в любимой деревне:

...Мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества губительный позор.

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склоняясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.

Вон там, за ветхою оградой, манит к себе под прохладную тень запущенный парк,

Где старых кленов темный ряд
Возносится до небосклона,
И глухо тополи шумят...

Заросла прежняя дорога, по которой въезжали в имение. По бокам стоят в тяжелой дремоте старые, покрытые мохом березы, седые ели. Буря вырвала несколько подгнивших великанов и их огромные стволы загородили дорогу, да по ней никто теперь и не ездит. Близ ворот стоит одинокая, позеленевшая от времени скамейка, на которой некому сидеть. Вокруг царит тишина и только с полян доносится треск неугомонных кузнечиков, да в усадьбе глухо ворчит собака, потревоженная редким посещением постороннего.

Что-то неизъяснимо грустное сжимает сердце в этом уголке, где, кажется, незримо витает тень великого поэта, вспоминая свою безмятежную, чистую юность, так бесконечно далекую от злобы и клеветы людской, погубивших Пушкина. Не даром его так тянуло в зрелых годах в Захарово. В 1831 году он был здесь в последний раз. Объехал любимые места и грустно сказал дочери своей няни: «Все наше разрушено, Мария, все поломали, все заросло...»^{*} Да, зарастают, разрушаются дорогие места, овеванные воспоминаниями о наших великих людях. Забывают их, не интересуются ими...

1917

^{*} См. «Воспоминания об А. С. Пушкине Л. Павлищева», Москва, 1890, стр. 217. Там говорится: «Он (Пушкин) совершил летом сантиментальное путешествие в Захарово; отправился туда один, лишь бы увидеть места, где провел несколько годов своего детства».